

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

ежемесячная марксистская газета

№ 143-144, август-сентябрь 2026

Киберпространство и монополия силы

Эпоха телевидения и компьютеров, как утверждал Генри Киссинджер в 2001 году в работе „Нужна ли Америке внешняя политика?“, обрекает политиков необходимостью «сужать кругозор», заставляя их либо выжидать развития событий, либо «отвлекаться на их отражение в СМИ». Различие между внешней и внутренней политикой стирается: первая требует «учитывать нюансы в рамках непрерывного процесса», тогда как вторая представляет собой согласование интересов, которые необходимо воплотить в законодательстве. В дипломатии «речь идет о том, чтобы настойчиво продвигаться через ряд шагов, каждый из которых неизбежно является неполным с точки зрения конечных целей». Можно заметить, что это сфера долгосрочных ориентиров и тенденций. Внутренняя политика, напротив, оценивается по «более краткосрочным результатам», которые носят более четкий характер. Неявный вывод состоит в том, что утрата или размывание границы между этими двумя сферами ставит под угрозу внешнюю политику, основанную на стратегическом мышлении.

Книга „World Order“, изданная в 2014 году, во многих своих аспектах может считаться политическим и теоретическим завещанием Киссинджера. Дилеммы мирового порядка сводятся к соотношению сил между крупными державами континентального масштаба; анализ военных конфликтов и формирования политических элит учитывает современные инструменты кибервойны, кибератаки на сети противника, а также прорыв социальных сетей в политическую коммуникацию. Рассматривая взаимосвязь между «кибертехнологиями и мировым порядком», Киссинджер как бы

идеально продолжает линию размышлений, начатую почти шестьдесят лет назад в работе „Ядерное оружие и внешняя политика“ (Nuclear weapons and foreign policy). Там речь шла о поиске концепций, которые обеспечили бы контроль над политическими решениями в области стратегии в эпоху ядерного сдерживания. Здесь, в книге „World Order“, речь идет об адаптации и расширении этой концептуальной рамки с учетом радикальных изменений, связанных с конфликтом в киберпространстве.

Киссинджер пишет, что технологические изменения на протяжении веков привели к объединению и совершенствованию уже существовавших инструментов. «Даже радикальные инновации со временем можно было вписать в прежние тактические и стратегические схемы: танки рассматривались как средство, вытекающее из многовекового опыта конных сражений, самолеты можно было трактовать как еще одну форму артиллерии, линкоры — как передвижные форты, а авианосцы — как взлетно-посадочные полосы. Несмотря на все увеличение разрушительной силы ядерного оружия, даже оно в некоторых своих аспектах является экстраполяцией предыдущего опыта».

Переломным моментом, обуславливающим появление новых концепций, являются «темпы роста вычислительной мощности» и «проникновение информационных технологий во все сферы жизни». Современные процессоры «могут быть встроены практически в любой объект: телефоны, часы, автомобили, бытовую технику, системы вооружения, беспилотные летательные аппараты, даже в само человеческое тело».

Революция в области управления данными впервые объединила людей и процессы в

одной среде коммуникации и «отразила их действия на едином технологическом языке». Термин «киберпространство», появившийся в 1980-х годах еще как гипотетическая концепция, «завоевал физическое пространство и, по крайней мере в крупных городских центрах, начинает сливаться с ним».

Внутри этой системы «обмен информацией происходит практически мгновенно». Деятельности, которые еще поколение назад выполнялись вручную или на бумаге, теперь осуществляются с помощью компьютеров: «чтение, покупки, образование, общение с друзьями, промышленные и научные исследования, политические кампании, финансы, документирование деятельности правительства, наблюдение, военная стратегия». Деятельность человека всё в большей степени сводится к данным, объединенным в единую систему, «поддающуюся количественной оценке и анализу». Люди, обладающие смартфоном, располагают информацией и аналитическими возможностями, «превосходящими возможности многих спецслужб предыдущего поколения». Высокотехнологичные группы, которые собирают и обрабатывают данные, обмениваемые этими людьми, «оказывают влияние и обладают полномочиями по надзору, превосходящими возможности многих современных государств» или даже «более традиционных властей», то есть — интерпретируем — оказывают большее влияние, чем религиозные организации.

Внимание: слежка входит в круг функций государства, хотя всегда существовали частные структуры, уполномоченные при определенных условиях действовать в этой сфере. Платформы хай-тек компаний фактически обретают способность контроля, которая ранее принадлежала государствам, хотя и не в таком масштабе и объеме. Это особенно касается транснационального характера сети и, следовательно, огромного объема собираемых данных: ни одно ЦРУ не смогло бы с помощью своих традиционных инструментов получить доступ к такому количеству данных о гражданах других государств.

Одно из первых последствий повсеместного распространения киберпространства и вторжения действующих в нем частных гигантов касается монополии на силу, если рассматривать слежку как ее конкретное проявление, а характер государства — как особенность государственной власти. Эти характеристики подвергаются воздействию не самой технологией, а тем фактом, что крупные частные центры, владеющие этой технологией, централизуют данные пользователей в беспрецедентных масштабах как внутри, так и за пределами государственных границ.

Этот вопрос приобретает еще большее значение, если учесть военные последствия — как наступательные, так и оборонительные — способности действовать в киберпространстве.

Lotta comunista, июль-август 2026 г.

Содержание

Киберпространство и монополия силы	стр. 1
Российская внешняя политика исследует множественное выравнивание	стр. 2
Битва рабочих кружков в решающее десятилетие	стр. 3-4
Турецкая карта в руках Анкары	стр. 5
Когти Европы	стр. 6

Российская внешняя политика исследует множественное выравнивание

Для Москвы мир в состоянии войны — это не риторическая фигура речи: это реальность, которая длится уже четыре с половиной года, со всем своим грузом разрушений и смерти и сопутствующими взаимными угрозами. Неудивительно, что тема войны находится в центре дискуссий аналитиков по вопросам внешней политики.

Серия конфликтов или мировая война

Иван Тимофеев сменил Андрея Корунова на посту генерального директора Российского совета по международным делам (РСМД). В статье, опубликованной 24 июня на сайте „Валдайского клуба“, дается обзор кризиса мирового порядка с точки зрения Москвы. Прежде всего он отвергает «искушение» представить нынешнюю ситуацию как уже развернувшуюся мировую войну, называя такую оценку «преждевременной», хотя, как он уточняет, ситуация «со временем может перерасти в мировую войну». Однако, в отличие от прошлого, пока еще не существует «четких глобальных коалиций противоборствующих фракций»: в качестве примера приводится позиция Китая, который, несмотря на то что является стратегическим соперником США, пока не разорвал с ними отношения; а также позиция России, которая, хотя и сотрудничает с Китаем, не заключила с ним военного союза, и между ними нет «взаимных обязательств на случай войны».

По мнению Тимофеева, нынешний период характеризуется скорее «серией кризисов и конфликтов различной интенсивности». При этом он предупреждает, что в условиях, когда интернациональные отношения характеризуются «международной анархией», «столкновение двух держав, будь то преднамеренное или случайное, может иметь глобальные последствия». Эта оценка не слишком отличается от двух сценариев, которые мы рассмотрели в нашем анализе: от частичных войн до крупномасштабного конфликта, который возможен, хотя пока и маловероятен.

Стратегический суверенитет и многовекторная политика

С апреля председателем РСМД является Дмитрий Тренин, бывший полковник армии СССР, а впоследствии директор Московского центра Карнеги. В РСМД он сменил Игоря Иванова. В первом интервью, данном после своего недавнего назначения („Коммерсант“, 2 апреля), он призывает политиков «искать баланс во внешней политике», разумеется, с точки зрения интересов российского государства, которое должно быть суверенным и независимым. То есть: использовать каждый момент раскола в западном лагере, в частности между США и Европой, но также и внутри Европы; поддерживать партнеров и союзников, «сохраняя при этом свободу действий», например, в отношениях с Китаем, с которым «мы обязательно должны поддерживать отношения на равных»; при этом не забывая, что Россия «является великой державой, которая не может быть партнером второго сорта».

В этой связи он высказывается еще более прямо в статье, опублико-

ванной в журнале „Россия в глобальной политике“ (1 мая), издаваемом Советом по внешней политике и обороне: в случае эскалации конфликта между Вашингтоном и Пекином Россия должна будет поддерживать Китай политически и экономически, «но у нее нет оснований для прямого участия в конфликте».

В этих комментариях можно проследить основы того, что мы могли бы назвать *российским множественным выравниванием*, используя терминологию, заимствованную из индийской дискуссии. В Москве предпочитают называть это *многовекторной* политикой, подчеркивая, что именно Россия является точкой, откуда исходит вектор, — это способ утвердить свой стратегический суверенитет.

Нормальная Америка

Поэтому анализ внешнеполитических отношений Москвы выходит за рамки привычной схемы, согласно которой Россия и Китай объединяются против недифференцированного Запада. Это касается, например, Соединенных Штатов. Тимофей Бордачев, программный директор „Валдайского клуба“, пишет в газете „Взгляд“ (7 апреля), возможно, с излишней эмоциональностью, что «война с Ираном положит конец аномальному периоду в истории» — периоду практически абсолютного господства Вашингтона: США возвращаются к „нормальному“ состоянию, как и любая другая великая держава. Это позволяет «вернуть международную политику на привычные рельсы», то есть к логике равновесия.

С этой точки зрения Америка могла бы даже сыграть роль балансирующего фактора в отношениях между Россией и Китаем. Такова точка зрения Сергея Полетаева, соучредителя и куратора „Проекта Vatfor“ — аналитического центра, который считается *националистическим*, но, судя по всему, также внимательно относится к нюансам. В статье, опубликованной в „Russia Today“ (23 мая), говорится, что Москва является ключевым звеном стратегии Трампа по сдерживанию и изоляции Дракона, но, с другой стороны, «России тоже нужно держать Китай в узде» Речь не идет о «предательстве» Пекина, но «даже частичное восстановление экономических связей с Америкой дало бы России большее пространство для маневра в отношениях с Китаем».

Еще Бордачев („Валдай“, 4 мая), по-прежнему говоря о войне с Ираном, утверждает, что Москва не заинтересована в «полном крахе американского влияния на Ближнем Востоке», поскольку считает это присутствие частью баланса, необходимого для поддержания относительно стабильного порядка.

Эти заявления, по-видимому, подтверждают необходимость избегать схематичного взгляда на отношения между державами. В данном конкретном случае: не всегда упадок одной державы является преимуществом для ее конкурента; порой может быть выгодно, чтобы она сохранила хотя бы часть своей мощи.

Многополярная Азия

Евразийский континент является привилегированной ареной проведения Москвой разносторонней политики как квазиатском, так и европейском

направлениях. Впрочем, в Азии всегда существовало множество центров власти. Георгий Толорая из Института Китая и современной Азии Российской академии наук (РАН) пишет, что «во избежание чрезмерной зависимости от Китая Россия стремится к холодной стабилизации отношений с соперниками в Азиатско-Тихоокеанском регионе и к более содержательному диалогу со странами АСЕАН», Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии („РСМД“, 18 мая). Сам Владимир Путин в кулуарах саммита Россия–АСЕАН в Казани назвал партнерство между ними «фактором стабилизации в Азиатско-Тихоокеанском регионе» („Российская газета“, 18 июня). Бордачев определяет Юго-Восточную Азию как «третью Азию» после Китая и региона, включающего Японию и Корейский полуостров: АСЕАН, по его словам, является «наиболее выгодным внешним экономическим партнером» („Взгляд“, 17 июня).

Однако *главными фигурами* в российских отношениях с Азией, после Китая, являются, разумеется, Индия и Япония. Лидия Кулик из Центра индийских исследований Института востоковедения РАН отмечает, что «концепция многополярности является неотъемлемой частью и индийского мировоззрения» („Коммерсант“, 22 июня). «Это перспективное направление для сотрудничества», — отмечает Кулик, — например, предложив Нью-Дели продлить существующий морской транспортный коридор Ченнаи—Владивосток до Арктики, по которому можно будет поставлять сжиженный природный газ (СПГ) с арктических месторождений России».

Денис Алипов, посол в Индии, в интервью газете „Frankfurter Allgemeine Zeitung“ (26 июня) кратко охарактеризовал российскую политику многовекторного выравнивания в Азии: «Хотя наши отношения с Китаем значительно расширились, мы хотим, чтобы наше сотрудничество с Индией было столь же широким и интенсивным».

Что касается Японии, то до сих пор остается нерешенным давний вопрос об отсутствии мирного договора после второй мировой войны, который является источником постоянных колебаний в отношениях между двумя странами. Газета „Ведомости“ (7 мая) публикует интервью с Мунео Сузуки, бывшим заместителем министра иностранных дел и обороны в 1990-е годы, а ныне председателем комитета по международным делам верхней палаты парламента. Он рассказывает о беседах с премьер-министром Санаэ Такаичи и министром иностранных дел Тосимицу Мотеги: «Оба считают, что российско-японские отношения имеют большое значение».

Напомним, что в феврале сама премьер-министр «в своей программной речи подчеркнула намерение работать над заключением мирного договора». Посмотрим, как будет развиваться ситуация. Первый визит Путина на Курильские острова в августе усилил напряженность. В любом случае, вполне естественно, что в Японии существует *российская партия*, а в Москве — *японская*.

Историческая линия развития европейских отношений

И, наконец, европейский фронт: исторические, уходящие корнями в прошлое на столетия отношения сейчас находятся в подвешенном состоянии, но их нельзя окончательно списать со счетов, поскольку они являются частью фундаментальных тенденций в международных отношениях.

По мнению Тимофеева, «окно в Европу», открытое Петром Великим три века назад, не закрыто навсегда („Валдай“, 6 апреля). У России по-прежнему остается нерешенная проблема модернизации: учитывая сложности в отношениях с Западом, она обратилась к Востоку, прежде всего к Китаю, однако многие отмечают недостаточность этих отношений. Именно поэтому, по мнению Тимофеева, несмотря на нынешний разрыв с Западом, нельзя исключать возможность сближения в будущем.

В любом случае речь идет о том, чтобы действовать и внутри Европейского союза, с тем чтобы сдерживать антироссийские настроения и, напротив, укреплять тенденции к большей открытости. Такова точка зрения Тренина: проложить путь к «установлению прагматических отношений по крайней мере с некоторыми государствами, основанных на принципах добрососедства». В том числе потому, что «географию, в отличие от политики, изменить невозможно» („РСМД“, 4 мая).

В этом гипотетическом сценарии налаживания хороших отношений Бордачев указывает на Германию как на центральный стержень („Взгляд“, 14 мая). Он напоминает, что «привилегированное партнерство с Россией в энергетической сфере стало рычагом ее „экономического чуда“ и немецкой гегемонии в ЕС». Сегодня сближение России и Германии позволило бы Германии «обрести новое влияние на малые страны Восточной Европы», которые, по мнению Москвы, являются зачинщиками антироссийской линии.

Перспектива, на которую, по его словам, рассчитывает Бордачев, заключается в «довольно зрелищном процессе внутренней борьбы в Европе», где ставки будут «гораздо выше, чем обычно»: судя по всему, речь, по его мнению, пойдет о роли Германии в пересмотре всего европейского подхода к России.

Министр иностранных дел Сергей Лавров подводит итог в статье, написанной для издания „Politico“, которое, однако, не опубликовало ее. Согласно сообщению, опубликованному 19 июня на сайте министерства, предлагается двигаться в направлении «создания континентальной архитектуры безопасности, открытой для всех евразийских государств и отражающей современную многополярную реальность». При этом предполагается, что «когда придет время, Европа также сможет присоединиться к этим масштабным усилиям».

Lotta comunista, июль-август 2026 г.

Битва рабочих кружков в решающее десятилетие

Мы вступаем в десятилетие, которое мы назвали решающим для отношений между державами. Разумеется, десятилетний период является лишь общим ориентиром; на самом деле мы не знаем, как долго продлится эта фаза, в которой преобладает кризис мирового порядка.

Мы обозначили возможные результаты в виде череды локальных войн, которые уже ведутся, не исключая при этом большой войны с участием великих держав. Эта возможность в настоящее время менее вероятна, но ее необходимо учитывать.

Несомненно то, что неравномерное экономическое и политическое развитие продолжится. Китай будет продолжать свое развитие, несмотря на усилия Америки и Европы по сдерживанию его относительного упадка. В империалистическом соперничестве никогда не было державы такого масштаба, как китайский империализм. Более того, теперь все более четко вырисовывается контур Индии, которая по численности населения сопоставима с Драконом. Обычно считается, что Нью-Дели отстает от Пекина на двадцать лет: это означает, что через десятилетие Индия может стать такой, какой был Китай в 2015 году, когда началось его военное расширение.

Таким образом, началось абсолютно неизведанное десятилетие — эпоха беспрецедентных стратегических изменений, как мы назвали его в начале века. Три основных инвестиционных сектора обещают стать движущей силой: цифровой сектор, электроэнергетика (с электромобилями и необходимыми инвестициями в электростанции и сети) и оборонная промышленность. Это также будет десятилетие искусственного интеллекта и неизбежного взрыва пузыря ИИ, последствия которого сейчас обсуждаются.

Теоретическая битва

В то же время продолжится развитие в новых областях традиционных секторов, от строительства до инфраструктуры (дороги, железные дороги, порты, метро), а также секторов энергетики и массовой моторизации, где двигатель внутреннего сгорания по-прежнему будет иметь рынок.

В мировом масштабе продолжатся крупные процессы пролетаризации; они добавят миллионам людей новую энергию в нашем классе. Поэтому крупные миграционные потоки, связанные с демографическим спадом в старых державах, будут продолжаться. Необходимо будет внимательно следить за тем, как влияя на класс крупные процессы реструктуризации, которые уже идут и которые ускорит ИИ, достаточно вспомнить об автомобильной промышленности.

Неизбежны и в то же время беспрецедентны также политические последствия для системы государств и внутри отдельных государств. Мы уже давно рассматриваем новые бурные перспективы с точки зрения теории; более чем когда-либо мы убеждены вместе с Лениным, что «без революционной теории не может быть и революционного движения». Недавно мы провели важные дни изучения битв за стратегию, которые вела марксистская школа, начиная с международной стратегии, изложенной в „Манифесте“ 1848 года. Это углубленное исследование стратегического мышления различных поколений марксистов, которое дает нам инструменты для того, чтобы проникнуть в неизведанную стратегическую сферу ближайших лет. Это сложная, трудная

сфера, работа по углубленному изучению, которую мы будем активизировать в ближайшие годы. Мы помним слова Арриго Черветто, теоретика и основателя *Lotta Comunista*: «*Не существует кратчайшего пути в магистральном движении для исторического освобождения пролетариата и, следовательно, человечества. Считать что можно избежать важных поворотов трудной науки, трудного научного усвоения, трудной борьбы на научной почве, означает идти с высоко поднятой головой и разбивать ее о стену максимализма, пустословия и крайнего нигилизма*» („Политическая оболочка“ СПб, Новый Прометей 2010. С. 133-134).

Для нас теория всегда была руководством к действию, к борьбе, к битве наших рабочих кружков; она будет им и в решающее десятилетие, которое сейчас продолжается. Это битва, которая, как и в прошлом, будет разворачиваться вокруг нашей газеты: с ее ежесекундной регулярностью, завоеванной упорным трудом, она диктует сроки и цели всех конкретных мероприятий, которые оживляют жизнь кружков.

Научно-аналитическая газета

Нашей газете исполнилось шестьдесят лет; в последние месяцы мы с гордостью отмечали эту годовщину. И она подошла к этому рубежу в отличной форме, как никогда богатая материалами для анализа, изучения и документирования. Она добилась этого с растущим тиражом в десятки тысяч экземпляров и при поддержке обширной сети сторонников, достигшей своего исторического максимума. Это издание, которое распространяется с севера на юг полуострова и регулярно переводится на французский, английский, испанский, немецкий, русский, португальский (бразильский вариант) и греческий языки. Наша газета выпускается исключительно в бумажном формате, который по необходимости должен переходить из рук в руки: тысячи ежедневных контактов служат конкретным связующим звеном между партией, интернационализмом и широкими массами. Наша газета — это издание, посвященное стратегическому анализу, сложной и даже труднодоступной научной аналитике, какой и должна быть наука. Это газета, отвечающая потребности в ориентации масс трудящихся, сбитых с толку и дезориентированных кризисом существующего порядка и его войнами.

Вот уже шестьдесят лет мы слышим от левых сил „широкого лагеря“, что наша газета непонятна, что это не политическая газета, поскольку она полна экономических данных, взятых из буржуазных источников, что это газета, которая не делает политических заявлений, не дает указаний и так далее. По правде говоря, за эти десятилетия развития и роста нашей газеты мы видели, как рождались и умирали многие издания, а вместе с ними и различные политические группировки. Но мы никогда не были свидетелями серьезных попыток глубокого анализа взаимосвязи между теорией и реальным движением. Честно говоря, мы бы не отказались от серьезной дискуссии с другими революционными позициями, но мы всегда сталкивались с повторяющейся и нигилистической пропагандой или максималистской агитацией по темам, навязанным социал-империалистическим оппортунизмом. Поэтому мы решили сделать своими лозунги немецких интернационалистов, высказанные Вильгельмом Либкнехтом: «*Изучать, пропагандировать, организо-*

вывать». И засучить рукава. Со временем результаты пришли, они осязаемы и поддаются оценке; благодаря нашей научно-аналитической газете ленинские позиции укрепили свои позиции в Италии и делают свои первые шаги в остальной Европе.

Именно этот опыт, насчитывающий более шестидесяти лет (ведь наша первоначальная группа восходит к партизанской борьбе и началу 1950-х годов), мы охотно предоставляем в распоряжение любому, кто серьезно задается вопросом об исторической отсталости революционной партии по отношению к сегодняшнему развитию производительных сил. Мы вовсе не удовлетворены достигнутыми результатами в условиях углубления кризиса мирового порядка. Необходимо приложить усилия, чтобы повысить эффективность нашей работы, начиная с основной деятельности наших кружков: распространения нашей газеты среди масс.

Политические группы на фабриках и в учреждениях

Это деятельность, благодаря которой со временем развилась обширная сеть сторонников нашей прессы и наших изданий, составляющих самые настоящие корни нашего укоренения в обществе. Речь идет о сфере влияния, которая требует огромной заботы в организационной и пропагандистской работе. Наша деятельность в местах концентрации наемного труда опирается на кружки, формирующиеся вокруг газеты; прежде всего это битва за создание политических групп — групп активных ленинцев на каждом рабочем месте.

Мы никогда не уклонялись от участия в профсоюзах для защиты непосредственных интересов трудящихся. Но, как говорил Ленин, мы всегда делали это с прицелом на политическую борьбу партии. Мы всегда ставили на первый план необходимость привить наемным работникам политическое сознание, которое выходит за рамки экономической борьбы, которое показывает лица всех классов и, прежде всего, раскрывает сегодня тысячи нитей, связывающих отдельные ситуации с мировым рынком и соперничеством между державами. Поэтому даже на рабочих местах центральное место занимают массовое распространение газеты, расширение круга сторонников, работа по распространению книг нашего издательства.

Также увеличилась нагрузка на издательство „Lotta Comunista“. После завершения издания „Сочинений“ Арриго Черветто в печать было отправлено первое полное издание „Сочинений“ Маркса и Энгельса на итальянском языке. В последние месяцы началось новое сложное восхождение: полное издание „Сочинений“ Ленина с научной редакцией примечаний и приложений, измененных сталинизмом.

Особое направление деятельности наших кружков, имеющее огромное значение для будущего нашей партии, связано с установлением связей с молодым поколением, которое станет настоящими участниками тех битв, к которым подготавливает нас кризис существующего порядка. Учитывая уровень охвата школьным образованием в метрополиях империализма, речь идет почти полностью о студентах, подавляющее большинство которых впоследствии станет частью мира наемного труда. Быстро растет число молодых людей из семей иммигрантов первого или второго поколения.

Поколения молодежи

Школы — это большой резервуар, в котором сосредоточена молодежь, и из которого кружки могут черпать новые революционные силы и в то же время работать над укреплением присутствия нашей партии среди наемных работников. Прием молодых людей в наши молодежные ячейки — это продолжающееся явление, которое подает очень интересные сигналы, которые необходимо учитывать. Как партия, мы накопили большой опыт работы среди студентов в самых разных объективных условиях. Наше второе поколение имело значительную студенческую составляющую, набранную в конце 1960-х — начале 1970-х годов во время волнений в школах и университетах. Они были политическими потомками „Тезисов о ленинской тактике в условиях кризиса в школе“, опубликованных на этих страницах в мае 1968 года. Их вывод был следующим: «*Студенческие волнения могут стать подготовительным этапом к формированию революционных кадров для развития ленинской классовой партии*». Так и произошло, буквально.

То поколение студентов, с нашей газетой в руках, направило всю свою энергию на работу в рабочие кварталы и создало сеть наших кружков; в то же время часть этих молодых людей пришла на заводы. Черветто вернулся к вопросу о молодежи примерно через двадцать лет после „Тезисов“, то есть по прошествии целого поколения. В ситуации, глубоко измененной тяжелой экономической и социальной реструктуризацией, он поднял вопрос о необходимости обновления связи с молодежью. Напомнив, что каждое поколение коммунистов вступало в борьбу каждый раз в новых условиях, он задал вопрос: «*Надо спросить себя, что может привлечь молодого человека к коммунизму сегодня, в конце 80-х*». Конечно, крах мифов их отцов (Россия, которая считала себя социалистической, третьимировой доктриной, маоизмом, кастризмом...), конечно, великая беспорядочность и всемирная путаница, явления империалистического разложения. «*Но прежде всего молодых людей могло привлечь к нам то, что мы „являемся партией, основанной на научной ясности, в которой нет мифов [...]“, научно-аналитической газетой, не остающейся в башне из слоновой кости для узкого круга читателей, а распространяемой в массах. Это наука, превращающаяся в активную деятельность, становящаяся борьбой*».

Этот импульс сопровождался теоретическим размышлением о необходимости преодоления субъективизма и объективизма в политической деятельности. «*Уже Энгельс указывал, как партия должна „постепенно“ выводить рабочее движение на „теоретический уровень“, показывая, что каждая ошибка или провал являются необходимыми следствием теоретических заблуждений*». Черветто подчеркивал, что и сегодня партия должна работать в этом направлении, иначе она «*отказывается от возможности собственного развития и укрепления, не подготавливает милитантов к тому, чтобы в каждом просчете видеть теоретическую слабость, не сплачивает свои кадры в качестве элементов авангарда рабочего класса. Вместо того, чтобы стремиться к покорению новых вершин, она занимается самоуспокоением или довольствуется достигнутым*». Эти материалы вошли в предисловие к пятому изданию „Классовая борьба и революционная партия“.

Волонтерство солидарности

Итак, мы начали с теории, с большой волей и духом победы, и через несколько лет обновленная связь с новыми поколениями 90-х годов стала для ячеек и их молодежных подразделений повседневной политической борьбой. Тысячи контактов у входов в школы и университеты, на демонстрациях, в шествиях, а также в местах прохода; тысячи приглашений на курсы марксизма в кружках, распространение газеты среди масс, организация сторонников нашего издания. Эта массовая деятельность позволила создать непрерывный поток студентов в кружки, активизировать их и постепенно наделить ответственностью в различных сферах деятельности.

Работа среди студентов приносит результаты и оживляет жизнь ячеек, но решающее десятилетие должно подтолкнуть нас к тому, чтобы требовать большего, чтобы больше молодых людей были полностью вовлечены в работу. Нам нужно будет подумать об этом и, прежде всего, посвятить этому больше энергии. В последние годы, начиная с пандемии, появился новый вид работы, который помог сделать богатый комплекс конкретных направлений деятельности наших кружков еще более разнообразным. Речь идет о волонтерстве солидарности в поддержку наиболее уязвимых семей в наших районах, наследии пандемии. Как известно, в мрачные месяцы локдауна многие читатели и сторонники „Lotta Comunista“ обращались к нам за помощью в удовлетворении самых элементарных потребностей. Продукты, лекарства, оплата счетов — всё то, чего они были лишены. Наши кружки отреагировали на этот призыв, организовав инициативы солидарности, которые позволили нам, среди прочего, поддерживать полную активность всех наших структур в период пандемии

Нас поразило не столько постоянно растущее число обращений, сколько активное участие в инициативах кружков со стороны рабочих из районов. Служащий, студент, кассир, рабочий, сиделка, инженер, домохозяйка, пенсионер — все они с самого начала стали участниками добровольческого движения солидарности, которое постепенно расширялось, пережило пандемию и продолжает оживлять наши ячейки, включая пропагандистские связи, политическую деятельность и распространение газеты. Это наиболее важный аспект нашей волонтерской деятельности, который необходимо тщательно изучить. По сути, это выражение давней классовой солидарности, порожденной капитализмом, которую вновь пробудил ужасный удар пандемии. Это классовая солидарность, зародившаяся с первыми шагами „нового класса“ наемных работников, вынужденных поддерживать друг друга, чтобы не сталкиваться в одиночку и изолированно с требованиями владельцев средств производства. Стремясь „помочь друг другу“, они создали первые общества взаимопомощи, которые более века определяли путь итальянского рабочего движения и не только.

От взаимопомощи до профсоюзов

Издательство Edizioni Pantarei выпустило прекрасную книгу Иво Бергамини „Происхождение и развитие профсоюзного движения в Италии 1891-1926 гг.“, дополненную биографиями главных участников тех сражений. Просматривая эти страницы, можно узнать, например, как в 1646 году был создан Благочестивый союз портных и швей города Ези, а в 1736 году — Благочестивый институт шляпников Турина, и так далее. Эти объединения XVII-XVIII веков были фактически филантропическими ассоциациями, находившимися под сильным влиянием католической церкви и унасле-

довавшими традиции средневековых корпораций. Ветры Великой французской революции, упразднившей все феодальные привилегии, долетели до Италии с наполеоновскими войсками и также сильно повлияли на эти институты. В первой половине XIX века стали процветать многочисленные общества взаимопомощи, многие из которых уже не были „благочестивыми“.

Это были строго профессиональные рабочие ассоциации, основанные исключительно на добровольном участии членов, с социальными и образовательными целями. Эти добровольные объединения занимались оказанием медицинской помощи в случае болезни или несчастного случая, организовывали похороны своих членов, вводили первые пособия по инвалидности и, реже, по старости. На этот период взаимопомощи глубоко повлияли европейские революции 1848 года. Распространились универсальные ассоциации, уже не основанные на профессиональной принадлежности, и ускорился переход этих организаций от простой солидарности к сопротивлению требованиям капитала, вплоть до борьбы посредством забастовок. Развитие крупной промышленности, в том числе и в Италии, стало решающим фактором для появления профсоюзов: в 1906 году в Милане была основана Всеобщая конфедерация труда.

Борьба за жилье и языковые школы

Следует отметить, что в целом родинной добровольной солидарности стала Англия времен промышленной революции с ее профсоюзами, чартизмом, а также „дружескими обществами“ фабианцев с их градуалистическим социализмом. Они получили очень широкое распространение: в Лондоне в конце XVIII века их насчитывалось около шестисот, и, по оценкам, в начале XX века около 80% британских рабочих были членами какого-либо объединения. Центральное место занимало распределение продовольственных пайков, а также выдача угля безработным, вдовам, сиротам, а также больным или получившим травмы членам этих обществ. Однако их деятельность охватывала и многие другие аспекты: от библиотек до небольших кредитов. Некоторые из этих функций были затем частично поглощены профсоюзами, но в основном — государством всеобщего благосостояния в эпоху британского империализма.

Что касается нас, то не совсем верно, что только пандемия подтолкнула нас к волонтерским инициативам. В нашей истории уже был подобный опыт во время разрушительного наводнения в Генуе в 1970 году: речь шла не только об уборке грязи, но и о помощи эвакуированным из жилого комплекса „Бишоне“ — гигантского массива социального жилья, который сильно пострадал. Несколько семей были размещены в студенческом общежитии „Дом студента“. Затем была помощь семьям, занимавшим социальное жилье, в рамках движения, которое особенно активно развивалось в Промышленном треугольнике в 1970-х годах. Мы создали Ассоциацию пролетарских жильцов (AIP), которая действовала в течение многих лет. Кроме того, можно вспомнить многочисленные внеклассные мероприятия в рабочих кружках, а в более недавнее время — языковые школы для иностранных рабочих: они открыли свои двери задолго до пандемии, в Генуе, в 1999 году. Это был способ установить связь с миграционным движением. Данная деятельность со временем значительно расширилась и укрепилась, она привлекает много волонтеров и требует трудоемкой организационной работы.

Это деятельность по классовой защите, о которой мы писали: *«в пунктах современной многоэтничной concentra-*

ции нашего класса владение словом является частью защиты класса. Ни один рабочий или волонтер языковых школ не может это отрицать» („Слово, письмо и искусственный интеллект“ // „Lotta Comunista“, фев. 2026 г.).

Волонтерство солидарности и коммунистическое волонтерство

В Европе есть те, кто, будучи полностью поглощенным предвыборной кампанией, критикует „Lotta Comunista“ за то, что она якобы занимается лишь благотворительностью. В 2021 году мы писали: *«Конечно, речь идет о борьбе и устранении глубинных причин „моря нужды“.* Поэтому необходимо развивать коммунистическое волонтерство, в которое легко может перерасти та инстинктивная классовая солидарность, которая не является филантропией, проявившаяся в последние месяцы. Это деятельность, которая еще не является активной политической деятельностью, но знаменует решительный шаг в данном направлении». Часто достаточно просто читать и уметь наблюдать. Нам нельзя отвлекаться, важно сосредоточить внимание на масштабах, которые приобрела наша солидарная помощь, в значительной степени направленная на семьи иммигрантов. Эта волонтерская деятельность в ближайшие годы может стать прочным барьером против расистских и ксенофобских кампаний: нам нужно крепко за него держаться! Следует сделать еще одно замечание. Такое волонтерство — результат инстинктивной классовой солидарности, которая все еще жива среди рабочих, пусть и скрыта под покровом пассивности и индивидуализма. Пандемия, глубоко потрясая все человечество, на мгновение заставила вновь проявиться эту инстинктивную солидарность, которую, однако, необходимо собрать и организовать, потому что, если ее оставить на произвол судьбы, она неизбежно рассеется.

Волонтерская деятельность в наших ячейках для многих рабочих и пенсионеров — это возможность вырваться из вязкой пассивности и индивидуализма. Это уже шаг вперед. Задача ячеек — превратить эту стихийную солидарность в осознанную коммунистическую работу. Такой непрерывный процесс требует тщательного научного изучения — здесь недостаточно поверхностного взгляда или слухов. Определенные позитивные сигналы поступают от нашей сети массового распространения, из опыта работы с единомышленниками и участия в политических инициативах. Об этом же свидетельствуют высокая активность и итоги нашей последней летней подписной кампании, которая достигла исторического результата.

Для полноты картины следует добавить, что в борьбу ячеек вносят свой вклад и другие конкретные виды деятельности, в которых участвуют различные ассоциации и центры документации. Это касается Logos в Генуе, Центра Филиппо Буонаротти от Милана до Тосканы, Центра Антонио Лабриолы в Турине или ассоциации Паскуале Мартиньетти в Риме. Эти ассоциации проводят значительную деятельность в виде конференций, дискуссий, круглых столов, распространяя идеи нашей марксистской школы. Можно добавить инициативу GenovaSolidale по вопросам миграции.

Многообразная комбинация различных фронтов борьбы

Все упомянутые нами конкретные виды деятельности представляют собой фронты борьбы, на которых наши кружки будут работать в ближайшие годы. На местных конференциях мы размышляли над докладом, с которым Черветто выступил в Генуе еще в далеком 1974 году, в разгар кризиса реструктуризации: „О многообразной

комбинации конкретных направлений деятельности в рамках генеральной линии“. Мы напоминаем о нем и рекомендуем его читателям, потому что в этом докладе задолго наперед был намечен путь, по которому наши ячейки шли на протяжении десятилетий. Черветто утверждал, что *«общая линия ленинской партии не может (и никогда не будет) осуществляться и применяться с помощью одной конкретной деятельности»*. В скобках он прокомментировал: Теория „Что делать?“, английский синдикалист + немецкий организатор + французский трибун + русский народник-заговорщик. Затем он продолжил: *«Учитывая крайнюю сложность многообразной комбинации и ее реализации, неизбежно, что ленинская партия всегда будет сталкиваться с недостатками и дисфункциями. Более того, партия развивается именно путем преодоления недостатков и дисфункций, в противном случае [...] неизбежно, что партия либо замедлится, либо окажется парализованной, либо впадет в кризис»*.

Молодежь против войны

Решающее десятилетие, с которым мы сталкиваемся сегодня, требует больших усилий для устранения недостатков и дисфункций, чтобы повысить политическую эффективность нашей работы. И не только это: чтобы пережить бурные годы с растущим объемом деятельности, требуется больше энергии на местах, больше товарищей, полностью вовлеченных в работу. Поэтому необходимо снова задуматься о молодежи, снова задаться вопросом, что может привлечь молодого человека в Lotta Comunista в 2026 году, через сорок лет после 1986 года. Сегодня ответ еще более однозначен, чем в конце 1980-х: молодого человека может привлечь наше полное неприятие варварства войны. Потому что мы боремся с исторически устаревшим обществом, которое колоссальным перевооружением, вовлекающим все больше держав, стремящихся к ядерной бомбе, готовит ад. Его привлекает наше неприятие растущей расовой дискриминации и наша практическая поддержка рабочих-иммигрантов и их семей. Наконец, молодой человек может быть привлечен к нам, потому что мы не стоим на стороне какого-либо государства и ни под каким-либо национальным флагом, потому что наш интернационализм направлен исключительно на единство трудящихся всего мира.

Кроме того, наша ежедневная борьба подтверждает, что молодежь по-прежнему привлекает наша научная газета, которая все больше не остается в башне из слоновой кости для узкого круга читателей, а распространяется в массах, — та самая наука, превращающаяся в активную деятельность, становящаяся борьбой. Нам нужно больше молодежи, чтобы укрепить связь с поколением, которому предстоит столкнуться с решающим десятилетием, и которое через десять или двадцать лет будет определять судьбу нашей партии, в том числе на основе этого опыта. Но чтобы они были с нами, их необходимо организовать уже сегодня, и в большом количестве.

Кроме того, нам нужно больше молодежи, чтобы поддерживать растущие темпы развития нашей партии на итальянском полуострове и на европейском континенте, чтобы укреплять и усиливать партийный аппарат. Решающее десятилетие — это беспрецедентное испытание и для нас, но оно может стать решительным шагом в преодолении исторического отставания. Глубина и масштаб противоречий мировой системы империализма дают нам эту возможность. И горе нам, если мы не сделаем все возможное, чтобы воспользоваться ею в полной мере.

Lotta comunista, июль-август 2026 г.

Турецкая карта в руках Анкары

«Спят в одной постели, но видят разные сны», – так в 1970-е годы Чжоу Эньлай иронизировал по поводу разрядки в отношениях между США и СССР. Древнее китайское выражение отражает неразрешимую двойственность любого сближения между державами, которое неизбежно меняется из-за неравномерного развития.

Эта фраза подойдет и для описания официальных итогов саммита НАТО в Анкаре, поскольку европеизация Альянса – «более сильная Европа в более сильном НАТО» – не могла бы быть закреплена, если бы не интерпретировалась по-разному двумя берегами Атлантики.

Америка всегда препятствовала европейской автономии и не показывает свою готовность полностью принять стратегическое перебалансирование Альянса. Более того, на грубый манер Дональда Трампа, она пытается использовать НАТО для своих ближневосточных авантур без малейших предварительных консультаций с союзниками. Что касается Европы, ставка на развитие собственной стратегической автономии, опираясь на европейский столп НАТО, по-прежнему остается «смелой», как мы писали в начале атлантического кризиса в феврале 2025 г. Европеизация стала мейнстримом в публичном дискурсе Альянса, но только потому, что США и ЕС наполняют эту общую формулу разным содержанием.

Аналитик Бруно Тертре корректирует свою оценку атлантического кризиса с чисто французской перспективы. С точки зрения Парижа, согласно старой обвинительной речи генерала де Голля, Соединенные Штаты всегда были «незаконным покровителем»; однако Европа, в свою очередь, стала зависимой от этого покровительства и от заокеанской военной промышленности. Вашингтон не имеет никакого намерения передать европейцам верховное командование союзными силами в Европе, которое является ключевым элементом военного участия США после второй мировой войны. Тем не менее, американское участие сокращается. Пентагон объявил об отводе одной четверти дислоцированных на континенте войск, трети истребителей, половины стратегических бомбардировщиков и почти всех подводных лодок; кроме того, он передал европейцам три оперативных командования в Брунссуме, Неаполе и Норфолке. Вашингтон хотел бы навязать союзникам НАТО 3.0, схожий с подходом «leading from behind» (руководство со второй линии), который Барак Обама продемонстрировал во время ливийского конфликта 2011 г. То есть сократить участие, но продолжать руководить.

По мнению Тертре, проблема заключается не в оборонительных силах Европы с точки зрения «чисто военной мощи»: по его оценке, они уже сегодня способны противостоять возможной российской агрессии, – а в перспективе «по крайней мере десяти лет», необходимых для перевооружения Европы и замещения военного потенциала Пентагона. Этому препятствует внешняя политика США, более неопределенная, чем когда-либо, если не враждебная. «Соединенные Штаты больше не привержены безоговорочной защите Европы и даже не исключают возможности нападения на нее»: достаточно вспомнить Гренландию. Согласно французской интерпретации, внутри НАТО с самого начала зрел кризис, учитывая асимметричный характер Альянса, однако сегодняшний вызов является «беспрецедентным».

Можно добавить некоторые элементы из англоязычных комментариев. По мнению «Financial Times», борьба за преобразование НАТО только началась. В период уязвимости, который продлится десятилетие, хаотичное перераспределение сил

США может дезориентировать европейское перевооружение или, во всяком случае, привести к периоду непрерывных переговоров; однако это также является одним из факторов, ускоряющих европейское противодействие. Вашингтон не поощряет перевооружение Европы за пределами сферы обычных вооружений, подтверждая действие ядерного зонтика; однако настоящего стратегического противостояния по поводу беспрецедентных шагов в области европейского сдерживания пока не было ни с США, ни с Россией. Наконец, планы администрации неясны даже в самой Америке: «Wall Street Journal» даже задается вопросом о конечной целесообразности угроз вывода войск из Европы с точки зрения стратегических интересов и глобального авторитета Вашингтона.

Итак, до сих пор речь шла о европеизации НАТО и атлантическом кризисе. Однако стоит остановиться на некоторых неизбежных последствиях саммита в Анкаре и на многообразном влиянии, которое атлантический кризис может оказать на отношения с другими державами.

Первое следствие – сближение Канады с Европой в военной сфере, которое газета «Wall Street Journal» отнесла к числу непреднамеренных, но вполне предсказуемых последствий выпадов Трампа. И почти закономерно, что отторжение со стороны США усиливает притяжение между Европой и Канадой, которая и без того связана с ЕС в торговой сфере и является участницей фонда SAFE Европейской комиссии, предназначенного для финансирования перевооружения. Таким образом, в изменении внутренних пропорций в рамках Альянса в ответ на американские угрозы канадский вес, составляющий примерно десятую часть военных расходов Старого Света, будет дополнять европейский. Обращение Северной Атлантики к Европе проявляется также в решении правительства Исландии досрочно провести референдум о возобновлении переговоров о вступлении в ЕС – на момент написания статьи его результаты еще неизвестны.

Второе следствие – реакция Турции, а именно ее сомнения в формуле европеизации НАТО, которая не учитывает приобретенную Анкарой роль на пересечении войны на Украине, Черного моря и пылающей шахматной доски Большого Среднего Востока.

Реджеп Тайип Эрдоган сетует на исключение из механизмов европейского перевооружения SAFE, отдающего предпочтение *byu europe*, несмотря на существующие связи между турецкой и европейской оборонной промышленностью. В более общем плане Анкара опасается, что «европейское пробуждение» недооценивает турецкий «столп» Альянса. Бывший премьер Ахмет Давутоглу видит в этом «стратегическое противоречие», поскольку в конечном итоге стремящаяся к автономии в рамках НАТО Европа так или иначе должна будет с ней считаться.

Когда более двадцати лет назад Вашингтон пытался сделать условием общей европейской обороны вступление Турции в ЕС, мы усмотрели в этом использование США турецкой карты: переваривание азиатского куска затормозило бы европейский процесс и дало бы США рычаг для влияния на него. Тогда, как мы писали, «турецкая карта» отождествлялась не «с автономными возможностями Турции в области политических действий, а с последствиями ее использования в соотношении с другими державами».

Анкара действовала, подталкиваемая Вашингтоном, в рамках тактики обструкции в НАТО, направленной против новых сил быстрого реагирования ЕС. Не известно, чем бы закончилась партия, но в 2003 г. ее сорвала война в Ираке. Разделив Европу, политическая война США на двадцать лет заморози-

ла европейскую оборону. Больше не было нужды разыгрывать турецкую карту, и к тому же она утратила свою силу из-за европейского влияния, которое тем временем оказывалось на Анкару.

Сегодня проблемы вновь дают о себе знать, и американская игра остается в числе возможных вариантов, равно как и игра европейского империализма. Однако прежде всего следует учитывать потенциал самостоятельной политики, приобретенный за 25 лет средней державой Турцией в рамках классического многостороннего выравнивания, ставшего типичным для кризиса мирового порядка.

Международная политика не сводится только к действиям великих держав. Если бы средние державы не имели собственного пространства для маневра, пусть даже обусловленного борьбой между великими державами, не было бы неравномерного развития капитализма. Именно развитие определяет подъем новых держав и, следовательно, их самостоятельные расчеты. В 1970-е годы Генри Киссинджер с дальновидностью отвергал использование термина китайская карта, подчеркивая сближение интересов с Китаем, а не просто игру Вашингтона, направленную на то, чтобы Пекин выступал против Москвы и Токио. Зачастую карты сегодняшнего дня становятся уроками завтрашнего дня. Так было, в других пропорциях, и с Анкарой.

Задумавшись, к примеру, о Мекканском соглашении с Пакистаном и Саудовской Аравией, а также о политической, военной и финансово-промышленной проекции Турции в направлении Персидского залива. Договор о взаимной обороне, заключенный вскоре после саммита НАТО, обеспечивает три суннитские державы взаимной страховкой от беспорядочного применения Трампом доктрины Картера. Но это также более широкая многосторонняя гарантия со стороны средних держав в отношении войн кризиса порядка.

Здесь прослеживается самостоятельная интерпретация американских требований по *burden sharing* – то есть совместному несению регионального бремени, – а также ядерный подтекст, который уже читался в соглашениях, заключенных Эр-Риядом и Исламабадом, и в приостановленных переговорах между Эр-Риядом и Вашингтоном. Таким образом, призраки бомбы также должны повлиять на отношения между Турцией, США и ЕС и, следовательно, на отношения внутри НАТО, с которой, кстати, по крайней мере официально, не проводились консультации относительно обязательств, принятых в Мекке.

Возвращаясь к саммиту, следует отметить и украинское следствие, связанное с интернационализацией военной промышленности Киева. Совместное производство, лицензии и технологические соглашения превратили Украину в поставщика, а не только бенефициара европейского перевооружения, а также в специальную экономическую зону с низким уровнем заработной платы для военной промышленности НАТО. Украинский конфликт привел к расцвету производства дронов и ракет и открыл новые горизонты для человекоубойной промышленности. Однако в европейском перевооружении посредством Украины существует политическое противоречие, которое не только не разрешилось, но и, напротив, усугубилось по итогам саммита. В начале войны европейская стратегия аутсорсинга перевооружения была вынужденным выбором для франко-германской оси, столкнувшейся с российской агрессией и одновременно с американскими требованиями разорвать отношения с Москвой. Первым ответным ходом Европы стала линия вооружить Украину, чтобы вооружить саму себя, ныне включающая в себя украинские вооружения и

кредиты ЕС; ее логическим продолжением стала линия вооружить Европу, чтобы спасти НАТО – попытка укрепить ЕС, сохраняя атлантическую структуру, которую сейчас ставят под сомнение США. Недостатком использования украинской войны для перевооружения оказалась необходимость постоянно обозначать его в антироссийском ключе. Это связывает европеизацию НАТО – в том числе в результатах саммита – с определением России как «долгосрочной угрозы», ограничивая европейскую автономию в будущем противостоянии с Востоком.

Сохраняется гипотеза о последующем обратном движении, которая в свое время рассматривалась в рамках доктрины Макрона по аналогии с нулевым вариантом во время кризиса евrorакет в 1980-е годы: эскалировать в отношениях с Москвой с расчетом начать переговоры. Между тем евро-украинская связь оспаривается Белым домом. Согласно Стратегии национальной безопасности, союзники должны «взять на себя основную ответственность в своих регионах» под координацией США: таким образом, они будут низведены до статуса региональных держав и выдвинуты в Европе против России, а в Азии – против Китая. Не случайно в российских комментариях Европа НАТО 3.0 рассматривается как «главная угроза» для Москвы. Российское следствие европеизации НАТО по-прежнему окутано туманом войны.

Далее, европейское следствие, поскольку стратегическое перевооружение Старого Света уже в полном разгаре и достигает переломных моментов в области ядерного сдерживания, обычных вооруженных сил и в серой зоне на границе стратегических вооружений, связанной с высокоточными ракетными оружием. Но следует учитывать неизвестную величину в лице национальных политических циклов, влияющих на сроки этого процесса – вопрос, который уже стоит на повестке дня в Париже и других столицах. Курс европейского империализма в области перевооружения станет испытанием на вероистинность популистских партий. Это, тем не менее, открывает путь и здесь для внешнего вмешательства в дела этих политических сил, которые получают открыто поддержку от США и не впервые подвержены российскому и китайскому влиянию. Поскольку одной из черт кризиса мирового порядка являются ускоренные темпы противостояния, борьба за влияние на ритмы европейского процесса станет решающей.

Наконец, китайское следствие. Пекин отвергает вовлечение НАТО в Азию, а также идею о взаимосвязи между азиатской и европейской безопасностью, выдвинутую Японией; однако он запустил межконтинентальную баллистическую ракету с атомной подводной лодки в Тихом океане в момент проведения саммита Альянса. Этот сигнал не ускользнул от внимания азиатских гостей, прибывших в Анкару из Токио, Сеула и Нью-Дели. Это ракетное испытание совершенствует китайскую ядерную триаду и подтверждает доктрину достаточной обороны, при этом способность нанести второй удар гарантируется гарантированным ответным ударом с подводных лодок. По оценкам Пентагона, к 2035 г. Китай будет иметь от шести до девяти авианосцев, полторы тысячи ядерных боеголовок и двадцать атомных подводных лодок с баллистическими ракетами – арсенал сверхдержавы, что диктует темпы глобального перевооружения от Тихого океана до Атлантики и вынуждает к перевооружению также европейские страны в рамках НАТО.

Как и предсказывал Ленин, империалистическая Европа – это реакция по всей линии, это европейское перевооружение против вооружившихся Америки и Азии.

Lotta comunista, июль-август 2026 г.

Когти Европы

Европа – травоядное в мире хищников; если она не обзаведется клыками и когтями, то окажется раздавленной между США, Россией и Китаем в *кризисе порядка* – таков ныне рефрен. На самом же деле Старый Свет уже перешел Рубикон колоссального перевооружения. То, что казалось лишь военной пропагандой: *переворужить Украину, чтобы перевооружить Европу*, используя Россию как пугало, – теперь действительность. Конечно, остаются нерешенными ключевые вопросы. С Москвой придется вернуться к торгу, но не сорвет ли какие бы то ни было переговоры Восточная Европа, яростно занимающая антирусские позиции перед лицом франко-немецкого прагматизма? Отношения с Вашингтоном ухудшаются; *атлантический кризис* ставит под сомнение американский ядерный зонтик. Достаточно ли будет ядерного сдерживания Парижа и Лондона, чтобы заменить его? Даже в отношении Пекина нужно определиться; *новый китайский шок* теперь распространяется на производство высокотехнологичной продукции и искусственный интеллект, подпитывая протекционистские настроения, что проникают даже в Берлин. Будет ли у Европейского союза достаточно решимости, чтобы занять самостоятельную позицию, выдержав противостояние с Китаем, поддержав европеизированное НАТО, но не поддавшись конвульсиям американского упадка?

И главное: в настоящее время перевооружение в значительной степени осуществляется Германией. Уже в третий раз в истории, что говорит само за себя. Смогут ли Германия и ЕС достичь необходимых договоренностей, чтобы привязать немецкое перевооружение к политике и институтам европейского стратегического консенсуса? Здесь свою роль играют неизвестные величины национальных выборов в европейских странах, особенно внутри *рейнской оси*, что всегда была опорой ЕС. В Париже десятилетие правления Макрона ослабило весь центр, наиболее приверженный европейской интеграции. Что станет с договоренностями в области обороны, если президентом станет Марин Ле Пен? В Берлине христианские демократы и социал-демократы с трудом удерживают позиции перед лицом Альтернативы для Германии (AfD). Какие потрясения ждут Евросоюз, если Германия, вновь ставшая ведущей военной державой континента, погрузится в нестабильность из-за нового немецкого национализма? Так или иначе, остается верным тот факт, что Европа продолжает точить свои когти и что *их политика* подчинена новой военной гонке. Среди европейских правых Джорджа Мелони задает тон, показывая *совранистам* путь к возвращению в рамки консенсуса ЕС. Среди социалистов, где бы они ни находились у власти: в Лондоне, Мадриде, Берлине или Копенгагене, – продвигаются планы военных расходов. Там, где они находятся в оппозиции, как, например, в Риме, они ведут лишь показательные споры, требуя, если уж на то пошло, «настоящей» европейской армии. Только коммунистическая и интернационалистическая борьба способна противостоять европейскому империализму, как и любому другому империализму, противостоять их перевооружению и их войнам.

В декабре 2024 г. руководство Volkswagen и профсоюз IG Metall подписали *рождественский компромисс*, который предусматривал сокращение 35 тысяч рабочих мест. В марте 2026 г. эта цифра выросла до 50 тысяч. В период с июня по июль число сокращений достигло 100 тысяч, что сопровождалось закрытием четырех заводов.

Темная сторона совместного управления

В этом постоянном повышении планки можно увидеть применение переговорной тактики. Но также и более весомый фундаментальный фактор: невозможность прогнозирования и планирования на мировом рынке. Этот *политический* аспект заслуживает размышлений. Особенно если проблема возникает в такой стране, как Германия, которая сделала совместное управление одним из своих конституционных принципов, а также предметом гордости на мировом уровне.

Закон о совместном управлении, *Mitbestimmung*, принятый в послевоенный период, предусматривает участие рабочих в работе наблюдательных советов крупных предприятий. Это один из составных элементов *социальной рыночной экономики*, которая сопровождала рост Германии на протяжении всего послевоенного периода: заинтересованность работников в благополучии предприятия стала ключом к успеху немецкого капитализма, но также и объективной связью наемных рабочих с судьбой капитала, который их нанимает, во время смены экономических циклов. Немецкий автомобиль является блестящим примером этой динамики, и сегодня немало тех, кто обращает на это внимание.

Экономическая газета „Handelsblatt“ (8 июля) призывает наемных рабочих отрасли не закрывать глаза на реальность: «В течение многих лет работники автомобильной промышленности получали высокие зарплаты, что, учитывая рекордные прибыли, было оправданно. На протяжении трех десятилетий работники других отраслей с завистью смотрели на 35-часовую рабочую неделю в автомобильной промышленности. Но сегодня это более невозможно». Как напоминает газета, сегодня немецкие автомобильные заводы загружены на 67 % своей мощности.

В том же ключе пишет Тобиас Пиллер в „Frankfurter Allgemeine Zeitung“ (16 июля). По его мнению, постоянные повышения заработной платы, общее сокращение рабочего времени и более благоприятные пенсионные нормы – это привилегии, которые «*учитывая экономическую ситуацию, уже кажутся устаревшими*». Более того, он напоминает тем, кто об этом забыл, что «*профсоюзы несут совместную ответственность за поддержание конкурентоспособности продукции отечественного производства*». И завершает статью предложением: поскольку сокращение заработной платы будет трудно осуществить, «*альтернативой могло бы стать увеличение рабочего времени, например, на 30 минут в день без надбавки к заработной плате*». Внимание: на полчаса в день – значит на два с половиной часа в неделю при пятидневной рабочей неделе.

Дух прошлых и будущих циклов

Это не похоже просто на остроумие журналиста, известного даже в Италии тем, что в прошлом яростно критиковал чрезмерные государственные расходы Рима. Скорее это мера, которую уже рассматривает руководство немецких автомобилестроительных компаний. Газета „FAZ“ от 4 июля приводит несколько отрывков из внутреннего циркуляра Mercedes, адресованного сотрудникам: «*Мы должны действовать. [...] Самое прямое и, на наш взгляд, самое справедливое решение: нам следует работать больше за ту же зарплату*».

Николас Штиль, президент одноименной компании по производству лесохозяйственной и садовой техники, поддерживает позицию Mercedes: «*В период процветания Германия могла себе позволить 35-часовую рабочую неделю. Теперь больше не может*» („Handelsblatt“, 11 августа). Экономическая газета комментирует: «*Золотая эпоха промышленных рабочих завершилась*» (12 августа).

Что тут сказать? Это яркая иллюстрация тех времен, которые нас ждут. Уже более века рабочее движение борется за сокращение рабочего времени при неизменной заработной плате; теперь же предлагается *увеличение* рабочего времени при неизменной заработной плате. Если нужен пример того,

что означает переход от *восходящего* к *нисходящему* циклу социал-демократизации, то этот – самый наглядный.

„Умный“ оружейный завод

Новости безжалостны. Вернемся к Volkswagen: генеральный директор Оливер Блюме официально объявил о плане сокращения 100 тысяч сотрудников по всему миру и закрытии четырех заводов в Германии. С оговоркой: «*Это теоретический расчет, исходящий из предположения, что затраты на рабочую силу останутся неизменными*»; ясно, к кому он обращается. Более того: «*Существуют решения более умные, чем закрытие*». Издескь многие комментаторы видят перспективу перевода целых автомобильных заводов вместе с их работниками на военное производство, что, впрочем, уже происходит внутри самого концерна VW на предприятии в Оснабрюке. Действительно, мало что можно добавить к образу представителя капитала, который считает *умным* решением развитие человекоубойной промышленности!

Представленный Блюме план пока что был отклонен наблюдательным советом, но дело еще не закрыто и будет предметом разговоров, по крайней мере, еще всю осень. К нему добавляются кризисы в Mercedes с упомянутыми выше предложениями, в BMW (8.000 сокращений к 2027 г.) и Porsche (группа VW), где намечается план реструктуризации: дополнительные 5.000 сокращений доведут число уже объявленных увольнений до 8.900.

Кризис автомобильной отрасли коснулся не только Германии. Согласно исследованию Boston Consulting Group, средняя загрузка производственных мощностей в Европе составляет 59 %, при этом избыточные производственные мощности оцениваются примерно в 5,4 миллиона автомобилей. Это соответствует объему производства 35 из 90 заводов, расположенных на континенте, которые BCG, таким образом, считает находящимися под угрозой („Handelsblatt“, 7 июля). CLEPA, Европейская ассоциация производителей автокомпонентов, оценивает, что к 2030 году под угрозой окажутся 350 тысяч рабочих мест в секторе („Il Sole-24 Ore“, 7 июля).

В Италии обсуждались возможные последствия для „Долины моторов“ в Эмилии-Романье, где сотни

малых и средних предприятий производят комплектующие для немецких брендов и где базируются Ducati и Lamborghini, что напрямую входят в состав группы VW.

К этим результатам приводит хаотичное развитие мирового рынка, в особенности расширение автомобильного производства в Китае, которое, кстати, было запущено и поддержано европейскими, прежде всего немецкими, инвестициями. Это *китайское возмездие*.

Классовый ответ и коммунистическая перспектива

Следует еще раз подчеркнуть, что ответом нашего класса может быть только борьба. Немецкий профсоюз IG Metall демонстрирует, что он это понимает, предпринимая первые запланированные инициативы. Между тем, его социал-империалистическая направленность проявляется в „срочном“ требовании председателя Кристианы Беннер ввести «*таможенные пошлины на китайские гибридные автомобили*» („Handelsblatt“, 29 июля).

Очевидно, что мы на пороге цикла защитной борьбы, но только единство рабочих, по крайней мере на европейском уровне, может позволить свести ущерб к минимуму, и не только в автомобильной отрасли. В этом ключе следует рассматривать инициативу итальянского профсоюза металлистов Fiom на предприятиях Leonardo (Генуя) и Thales Alenia Space (Турин), которые совместно с IG Metall на немецких предприятиях Airbus Defence and Space 27 июля в Генуе создали координационный орган заводских комитетов, открытый для других европейских заводских комитетов аэрокосмической отрасли.

Ситуация в автопроме заставляет нас зацепиться за *политические* выводы. В условиях капитализма контроль над рынком – это иллюзия; совместное управление им – это еще хуже, это обман. Именно такие сложные ситуации, как эта, подчеркивают необходимость смотреть дальше, в сторону общества, в котором производитель-индивид не будет раздавлен переменивой судьбой своего продукта. Коммунистическая перспектива проступает здесь во всей своей силе и актуальности.

Lotta comunista, июль-август 2026 г.